

Глава 1

Человек своего времени

Когда Мильвейны садились к завтраку, часы приходской церкви Уоттлборо пробили восемь; церковь была в двух милях отсюда, но удары, подхваченные западным ветром, явственно разносились этим осенним утром по округе. Джаспер, заслышав их, весело заметил перед тем, как разбить яйцо:

— А в Лондоне сейчас кого-то вешают.

— И ты, разумеется, счел своим долгом сообщить нам об этом, — холодно заметила его сестра Мод.

— Да еще таким тоном! — возмутилась другая его сестра, Дора.

— И кого же? — поинтересовалась миссис Мильвейн, недужно глядя на сына.

— Не знаю. Увидел во вчерашней газете краем глаза, что в Ньюгейте сегодня кого-то вешают. Отрадно все-таки знать, что не тебя.

— Ты обо всем судишь эгоистично, — сказала Мод.

— А как, — отвечал Джаспер, — прикажешь быть, раз уж мне вспомнился этот факт? Можно клясть жестокий век, узаконивший смертную казнь; можно оплакивать страдания бедняги. Только какой прок от этого? Никакого — ни мне, и никому другому. Да, я увидел это событие в утешительном свете. Дела мои плохи, но все же *не так* плохи. Я мог бы сейчас шествовать мимо Джека Кетча¹ и капеллана прямою к виселице, но вот он я, завтракаю свежим яйцом, ем вкуснейший тост с маслом и запиваю все это лучшим кофе, какой только найдешь в наших краях. (Подогрейте, пожалуйста, молоко, мама.) А заговорил я невзначай, поэтому не стоит строго судить мой тон.

Молодой человек этот, двадцати пяти лет, был хорошо сложен, хотя несколько сухопар и бледноват. Волосы его были почти что черны, а лицо, гладковыбритое, лучше всего описать как лицо бюрократического типа. Одежда на нем была дорогих материалов, однако уже немало прослужила. Углы стоячего воротничка отогнуты, а шейный платок украшен сиреневыми цветами.

Одна из двух сестер, Дора, двадцати лет, напоминала брата внешне, но говорила с мягкостью, свидетельствующей совсем об ином характере. Мод, двадцати двух лет, отличалась изумительным, золотисто-рыжим цветом волос и смелыми чертами лица; лицо это, хоть и красивое, улыбалось редко и с неохотой. Мать их выглядела больной, но держалась за столом вполне обыкновенно. Все трое были одеты как леди, однако скромно. Комната, смотревшая на небольшой клочок сада, была обставлена со старомодным удобством; лишь

¹ Палач, служивший при Карле II и Якове I, который прославился своей жестокостью и чье имя стало нарицательным. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

пара предметов в ней несла на себе цветистый отпечаток тысяча восемьсот восемьдесят второго года.

— Человек, дошедший до петли, знает, что довел общество до крайней меры, — независимо продолжал Джаспер, — и поэтому испытывает удовлетворение. Колоссальная важность его такова, что, кроме высшей меры закона, ему ничто не годится. Это тоже успех своего рода.

— Своего рода, — презрительно повторила Мод.

— Поговорим о чем-нибудь другом, — предложила Дора, боясь, как бы между братом и сестрой не вспыхнула ссора.

Но подоспела почта и отвлекла все внимание на себя. Для миссис Мильвейн было письмо, для ее сына — письмо и газета. Пока девушки с матерью обсуждали пустяковые новости, сообщаемые в послании, Джаспер прочел то, что было адресовано ему.

— Это от Рирдона, — заметил он младшей сестре. — Неважные у него дела. Он из таких: в конце концов отравится или застрелится.

— Что случилось?

— Никак ни за что не сядет; беспокоится о жене, уже не на шутку.

— Он болен?

— Скорее переутомлен. Но я это предвидел. Он не из тех, кто способен сделать сочинительство прибыльным занятием. В благоприятной обстановке он напишет довольно неплохую книгу в два, может, в три года. Но неуспех последней его подкосил, и теперь он пытается написать до зимы что-нибудь еще, да впустую. Такие люди обречены сносить удары судьбы.

— И снова он будто предвкушает, — пробормотала Мод, глядя на мать.

— Вовсе нет, — отвечал Джаспер. — Я завидовал бедолаге, это правда, но лишь потому, что он сумел внушить веру в себя красивой девушке, убедил пойти с ним на риск, — но я огорчусь, если узнаю, что он отправился ко всем... что он сгинул. С ним единственным я всерьез вожу дружбу. Но все-таки неправильно так полагаться на удачу. Нужно быть скромнее — я тому пример. Он же после единственной книги, имевшей успех, решил, что все трудности позади. Получил сотню фунтов за роман «На ничейной земле» и ждал, что гонорары станут увеличиваться в геометрической прогрессии. Я намекнул ему, что долго благоденствие не продлится, а он ответил терпеливой улыбочкой, мол, не суди по себе. Я и не судил по себе. (Хлеб, Дора, пожалуйста.) Я — человек более стойкий, чем Рирдон; я умею держать ухо востро и ждать.

— А его жена? — поинтересовалась миссис Мильвейн. — Другая бы роптала.

— Она и ропщет, надо полагать. Довольствоваться скромным жилищем она не собиралась — и квартиру они меблировали. Удивляюсь, как Рирдон не завел для нее экипаж. Вторая книга, стало быть, принесла ему еще сотню — всего лишь сотню, — но весьма маловероятно, что он получит столько же за третью, если вообще ее закончит. «Оптимист» уже, в сущности, провал.

— Может, мистер Юл им что-нибудь оставит, — сказала Дора.

— Может. А может, он проживет еще десять лет и полюбуется на них обоих в Мэрилебонском работном доме, не выложив ни шестипенсовика, — или я очень ошибаюсь на его счет. Мать миссис Рирдон сама едва сводит концы с концами; она им не поможет. Брат миссис Рирдон не даст им ни гроша ни под каким видом.

— А у мистера Рирдона разве нет родных?

— Не слыхал хоть о ком-нибудь. Нет, все-таки он совершил роковую ошибку. Мужчине в его положении следует жениться — если вообще следует — либо на работающей девушке, либо на богатой наследнице, причем работающая девушка во многих отношениях предпочтительнее.

— И это говоришь ты? — вставила Дора. — Ты же вечно твердишь, какое преимущество дают деньги.

— О, я вовсе не хотел сказать, что *сам* предпочту работающую девушку, никоим образом; я о Рирдоне. Он достаточно наивен, чтобы верить в добросовестность, любит, когда его называют «творцом» и так далее. Он зарабатывал бы и сто пятьдесят в год, будь его разум безмятежен, и этого хватало бы, женись он на честной маленькой портняжке. Никакой погони за излишествами, только добротная работа, которая была бы ему наградой сама по себе. А так — он сам себя загубил.

— Все забавляешься, — заметила Мод.

— Ничуть. Если я и говорю с восторгом, то только потому, что подобные обстоятельства — прекрасная пища для ума. Дора, передай, пожалуйста, джем; нет, домашний.

— Но как это печально, Джаспер, — сказала миссис Мильвейн, как всегда, наполовину отсутствуя. — Значит, они не могут съездить даже на отдых?

— Совершенно исключено.

— Даже если пригласить их на неделю к нам?

— Мама, — оборвала ее Мод, — это *невозможно*. Вы и сами прекрасно знаете.

— Почему бы не попытаться, милая? Может, все, чего не хватает мистеру Рирдону, — это маленькие каникулы.

— Нет и нет, — покачал головой Джаспер. — Не думаю, что с миссис Рирдон легко поладить; к тому же, если ее дядя пожалует к мистеру Юлу, выйдет неловко.

— Пожалуй. Хотя мисс Харроу сказала, гости останутся у них на день-два, не больше.

— Почему мистер Юл не представит их друг другу? — спросила Дора. — Ты говорил, он в хороших отношениях и с теми, и с теми.

— Скорее всего, он считает, что это не его дело.

Джаспер еще пораздумал над письмом друга.

— Лет через десять, — произнес он, — если Рирдон будет жив, я буду давать ему займы пятифунтовые банкноты.

Губы Мод тронула кривая улыбка. Дора рассмеялась.

— Вот увидите! — продолжил Джаспер. — Вам трудно поверить. Но поймите, есть большая разница между людьми вроде Рирдона и людьми вроде меня. Он — из породы старых творцов, неприспособленных к жизни; я — литератор тысяча восемьсот восемьдесят второго года. Он не захочет поступаться ничем, точнее, просто не сможет. Он не умеет снабжать рынок. Я же... ну, на данный момент, по вашему, я ничего не делаю; это большое заблуждение — я учусь своему делу. Литература в наши дни — это ремесло. Гении преуспевают одной только космической силой, их в расчет не берем; успешным литератором становится умелый ремесленник. Прежде всего и больше всего он думает о рынке; стоит товару потерять в спросе, у него уже наготове что-то новенькое. Он отлично разбирается во всех возможных источниках дохода. Что бы и кому бы он ни продавал, свое он не упустит; и никаких единовременных выплат, никаких посредников, которые сделают потом на

вас в шесть раз больше. Знайте: будь я на месте Рирдона, за «Оптимиста» я выручил бы по меньшей мере сотни четьре; привлек бы журналы, газеты, иностранных издателей, вообще всех, кого можно, и не прогадал бы. Рирдон на такое не способен, он отстал от века; продает рукописи, будто живет на Граб-стрит¹ времен Сэма Джонсона. Граб-стрит нашего времени совсем иная: снабженная телеграфным сообщением, она знает, каков литературный рацион каждой части света; ее обитатели — люди дела, какими бы скользкими они ни были.

— Не слишком благородно, — заявила Мод.

— А что поделать? Как я уже говорил, я обучаюсь ремеслу, медленно, но верно. Увы, беллетристика — не моя отрасль. Я пробовал, но здесь мне ничего не светит, не мой конек. А жаль, тут водятся большие деньги. Зато передо мной масса других возможностей. Говорю вам, через десять лет я буду получать тысячу фунтов в год!

— Что-то не припомню, чтобы прежде речь шла о точной сумме, — заметила Мод.

— Все одно. Кто имеет, тому дано будет и приумножится. Я буду иметь собственный приличный доход и женюсь, причем у жены доход должен быть чуть больше — чтобы предупредить всякие случайности.

Дора воскликнула со смехом:

¹ Улица в Лондоне; на рубеже XVIII–XIX вв. средоточие бедных писателей и компиляторов, живших дешевым литературным трудом. В словаре лексикографа и писателя Сэмюэля Джонсона (1709–1784) дается определение: «Первоначально — название улицы в лондонском районе Мурфилдс, населенной преимущественно составителями малых текстов, словарей, заказных поэм; отождествляется со всякой посредственной литературой».

— А мне будет приятно узнать, что Рирдоны получили кучу денег после смерти мистера Юла — и не через десять лет, вот уж нет!

— На многое им рассчитывать не стоит, — задумчиво ответил Джаспер. — Миссис Рирдон ему только племянница. Предположу, что первыми в очереди будут брат и сестра. Если дойдет до второго поколения, то у Юла-литератора есть дочь, и, судя по тому, что ее пригласили погостить, любимая племянница — именно она. Нет-нет, будьте уверены, Рирдонам не достанется ничего.

Закончив завтрак, Джаспер откинулся на спинку стула и принялся разворачивать лондонскую газету, полученную с почтой.

— Ты думаешь, мистер Рирдон, женившись, не питал подобных надежд? — поинтересовалась миссис Мильвейн.

— Рирдон? Вот уж нет! На такую предусмотрительность он не способен!

Вскоре Джаспер остался в комнате один. Когда служанка пришла убрать со стола, Джаспер неспешно побрел прочь, напевая себе под нос.

Дом удачно располагался у дороги в маленькой деревушке под названием Финден. По ту сторону находилась церковь — простенькое низенькое здание с квадратной башней. Сегодня в Уоттлборо был скотный базар, мимо дома то и дело проходили стада коров и овец, с грохотом прокатывалась телега скотовода. В обычный день на дороге повозки почти не появлялись, да и пешеходы встречались редко.

Миссис Мильвейн с дочерьми проживала тут последние семь лет с тех пор, как почил отец семейства, ветеринарный врач. Вдова ежегодно получала пожизненную ренту в двести сорок фунтов; дети не имели ничего. Мод временами пре-

подавала игру на фортепиано; Дору приглашали в качестве приходящей гувернантки в один из домов Уоттлборо. Два раза в год, как было заведено, из Лондона на пару недель к ним приезжал Джаспер. Осенние каникулы подошли к середине; ко второй неделе натянутость в отношениях сестер и брата неизменно давала о себе знать.

Утром Джаспер имел получасовой разговор с матерью тет-а-тет, после чего отправился погулять на свежем воздухе. Вскоре после этого в гостиную, где миссис Мильвейн сидела, откинувшись на спинку дивана, зашла Мод, ненадолго оторвавшаяся от своих домашних обязанностей.

Она сидела в задумчивости уже пару минут, когда мать заговорила:

— Джаспер просил больше денег.

— Ну еще бы. Я знала. Надеюсь, вы сообщили ему, что больше он не получит.

— Я не знала, что сказать, — ответила миссис Мильвейн слабым от волнения голосом.

— Тогда предоставьте это мне. Денег нет, Джаспер, и точка.

Мод напустила на себя мрачную решительность. Последовало недолгое молчание.

— Что же ему делать, Мод?

— Что делать? А что другие делают? Что делаем мы с Дорой?

— Вы не можете обеспечивать себя сами, милая.

— Ах, вот как! — вырвалось у Мод. — Конечно, если вам жаль для нас куска хлеба...

— Не горячись так. Ты прекрасно знаешь, что мне для вас ничего не жаль. Пойми же, я хотела сказать только, что Джаспер получает от своей деятельности некоторый доход.

— Которого не хватает на его собственные нужды. Какой позор. А нас, как всегда, принесли в жертву брату. Почему мы должны считать каждый пенни, чтобы он так и бездельничал в свое удовольствие?

— Не говори так, Мод, он не бездельничает. Он учится своей профессии.

— Лучше скажите «своему ремеслу», ему так больше нравится. Откуда нам знать, что он вообще чему-то учится? Что значит «он учится»? А выслушивать, как он перемывает косточки своему другу мистеру Рирдону, который, верно, работает круглый год в поте лица! Отвратительно. Если так пойдет и дальше, он никогда не заработает себе на жизнь. Кто не слышал про таких трутней? Я бы ни слова не сказала, будь у нас лишняя сотня в год. Но те крохи, что он оставляет нам, — мы не можем на них жить, мама, и давайте не будем пытаться. Я так и скажу Джасперу: пусть работает и содержит себя сам.

Снова молчание, на сей раз длиннее. Миссис Мильвейн украдкой стерла со щеки слезу. Наконец произнесла:

— Жестоко отказывать ему, когда, быть может, через год представится долгожданный случай.

— Случай? Какой еще случай?

— Он говорит, человек, который умеет ждать, обязательно дождется своего «случая».

— А те, за чей счет он ждет, пусть голодают! Ну подумайте же, если с вами что-нибудь случится, что станет со мной и Дорой? Да и с Джаспером тоже. Надо подтолкнуть его, пусть учится зарабатывать на жизнь сам. Это для его же блага. Чем дальше, тем труднее ему будет привыкать.

— Ты несправедлива, Мод. Он каждый год зарабатывает все больше. Мне понятны твои сомнения. Но он заработал

